

Научная статья
УДК 930.126(571.26)
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-4-35-46>

Археология Нижнеамурского региона: отражение дуального мировидения оседлых рыболовов в парных рисунках петроглифов

Зоя Степановна Лапшина

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия,
Lapshinazoy@gmail.com

Аннотация. В Нижнеамурском регионе расположено несколько памятников наскального искусства. Наибольшее количество рисунков сохранилось в памятниках возле старинного нанайского села Сикачи-Алян и русского селения Малышево, а также возле пограничного села Шереметьево. Ранние рисунки относятся к концу каменного века, а более поздние – к раннему Средневековью. Изучением памятников наскального искусства низовьев Амура занимался археолог академик А. П. Окладников и его ученики. Ими подготовлена научно-исследовательская база и культурно-историческая основа интерпретации содержания рисунков, обоснована необходимость бережного отношения к петроглифам как объектам культурного наследия древности. Современные исследования во многом опираются на созданный ими источниковый фонд. Памятники петроглифов содержат более сотни изображений личин-масок. Научные интересы автора статьи состоят в изучении семантического содержания антропоморфных и зоо-антропоморфных изображений личин. Статья посвящена изучению символики парных рисунков личин петроглифов Амура и Уссури, созданных культурами оседлых рыболовов и охотников. В качестве методов автор использует иконографический и типологический анализ рисунков с привлечением теоретических и практических материалов из области этнографии и антропологии. Заключение по итогам исследований: рисунки на камнях и скалах служили атрибутами ритуально-обрядовых праздников, в ходе которых шло повествование о рождении мира и родоначальников, о нормах жизни общины. Парность изображений объясняется дуальным разделением социума и коллективным мифологическим сознанием с бинарным восприятием мира. Дуализм, как структура социума, отражённая в коллективном сознании и проецированная посредством мифологии на все сферы жизни, нашёл своё отражение и в изобразительном искусстве, в частности в петроглифах. Научные представления о дуализме как системе созданы отечественными и зарубежными учёными. Среди них Э. Дюркгейм, А. М. Золотарёв, А. Р. Радклиф-Браун, В. В. Иванов и другие.

Ключевые слова: археология, Амур, Нижнеамурский регион, древние петроглифы, парные рисунки, Сикачи-Алян и Малышево, Шереметьево, маски, дуальное мировосприятие, мифология

Для цитирования: Лапшина З. С. Археология Нижнеамурского региона: отражение дуального мировидения оседлых рыболовов в парных рисунках петроглифов // Известия Лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17. № 4. С. 35–46. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-4-35-46>.

Original article

Archaeology of the Lower Amur region: reflection of the dualistic worldview of sedentary fishermen in paired petroglyph drawings

Zoya S. Lapshina

Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia,
Lapshinazoy@gmail.com

Abstract. There are several sites of rock art in the lower Amur region. The largest number of drawings has been preserved in the sites near to Nanai village Sikachi-Alyan, Russian village Malyshevo, and border settlement Sheremetyevo. Studying the sites of rock art in the lower reaches of the Amur was engaged by A. P. Okladnikov and his students. They performed the scientific database and cultural-historical approach to explain the semantics of drawings, and substantiated the need to attitude to petroglyphs as ancient objects of cultural heritage. Sites of petroglyphs have preserved more than a hundred images of masks. The author studies anthropomorphic and zoo-anthropomorphic masks of petroglyphs. The author is engaged in a systematic

© Лапшина З. С., 2021

analysis of masks and the interpretation of signs on them. The article presents the results of the study of the paired faces of petroglyphs of Amur and Ussuri Rivers made by the cultures of sedentary fishers and hunters. The methods used in this research are iconographic and typological analyses of drawings made under the theoretical and practical knowledge from the field of anthropology. The dual structure ensures the sustainability of traditional culture. Finally authors come to conclusion that drawings on stones and rocks served as attributes of ritual and ceremonial holidays, during which there was a story about the birth of the world and the ancestors as well as the story about the norms of life of the community. The paired drawings are explained as the result of dual splitting of community and collective consciousness with the binary perception of the world. Such dualism as the structure of society reflected in collective consciousness and impressed by the mythology on the all aspects of the life including the art and petroglyphs, in particular. Masks represent binary mythology. Mythology and rituals reinforce the dual-clan structure in the collective consciousness. Disguises were used as illustrations of myths during rituals at the holidays. The theory of dualism was created by anthropologists E. Durkheim, A. M. Zolotarev, A. R. Radcliffe-Brown, A. M. Hockart, V. V. Ivanov. The article is devoted to the study of the symbolism of the faces of the Amur and Ussuri petroglyphs. It was created under the influence of the dual structure of society.

Keywords: archeology, Amur, Lower Amur region, ancient petroglyphs, paired drawings, Sikachi-Alyan and Malyshevo, Sheremeteyevo, masks, dual world perception, mythology

For citation: Lapshina Z. S. (2021) Archaeology of the Lower Amur region: reflection of the dualistic worldview of sedentary fishermen in paired petroglyph drawings. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 4. P. 35-46. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-4-35-46>.

Введение

В бассейне нижнего течения Амура ещё в XIX веке были известны памятники наскального искусства: один возле сёл Сикачи-Алян и Малышево на амурской протоке, а другой возле пограничной казачьей станции Шереметьевской (ныне село Шереметьево) по правому берегу реки Уссури. Первый памятник представляет собой шесть скоплений каменных глыб на небольшом расстоянии друг от друга вдоль береговой полосы. На втором памятнике рисунки нанесены на трёх участках отвесных крутых скал правого берега Уссури. В настоящее время обнаружены рисунки и на отдельных камнях, лежащих на береговом пляже. В 60–70 годах XX в. петроглифы были исследованы группой археологов ИИАиЭ СО АН СССР под руководством А. П. Окладникова. Его перу принадлежат публикации книг и серии статей по проблемам амуро-уссурийских петроглифов. Он поднимал вопросы об автохтонности рисунков, периодизации их возникновения, культурно-исторических связях с коренным населением территории, а также о связях с культурами бассейна Тихого океана. Неповторимой особенностью наскального искусства этих памятников является доминирование изображений личин. Они разнообразны по внешнему облику и по символическим знакам, которые нанесены на их внутреннюю поверхность, а иногда и за пределами контурной обрисовки. Помимо этого, при изучении всей совокупности рисунков проявляется ещё одна черта этой изобразитель-

ной традиции – среди них выделяются парные личины. А. П. Окладников обращал внимание на парность группы личин-масок среди петроглифов Сикачи-Альяна – Малышева и Шереметьева, но ограничился лишь фиксацией явления (Окладников, 1971. С. 80). Интерпретацией символического содержания отдельных рисунков петроглифов и корреляцией их с предметами искусства из культурных слоёв археологических памятников занимается В. Е. Медведев (Медведев, 2001). Важен вклад Е. А. Окладниковой в изучение семантического содержания петроглифов Амура. В процессе исследования наскального искусства западного побережья Северной Америки, ею проведены корреляции типов личин и символов северо-американских петроглифов и группы нижеамурских. Среди них трактовка рисунков птиц, разноглазых личин, а также она отмечала очень важное сходство знаков амурских личин с изображениями на камне и другом материале североамериканских индейских духов-каннибалов (Окладникова, 1989; Окладникова, 1995). Но целенаправленного изучения семантики всей совокупности нижеамурских личин, включая парных, ею не проводилось. Тема парных личин и их семантического содержания до настоящего времени не изучалась.

Теоретическая часть

В мировой культурной антропологии накапливались сведения о механизмах устойчивости социальной структуры традиционных обществ, её отра-

жении в мифологии. Опыт изучения культур этносов привёл к пониманию дуальной сущности их социальных форм. Зарубежные антропологи Э. Дюркгейм, А. Р. Радклифф-Браун обращали внимание на бинарный характер отношений героев мифов и парность символики (Дюркгейм, 1998; Радклифф-Браун, 1960). В начале XX в. о двойственности мира писал русский богослов отец Павел (Флоренский): «По первым словам летописи бытия, Бог «сотворил небо и землю» (Быт 1: 1), и это деление всего сотворённого надвое всегда признавалось основным. Так и в исповедании веры мы именуем Бога «Творцом видимых и невидимых»... эти два мира – мир видимый и мир невидимый – соприкасаются» (Флоренский, 2000. С. 1). К дуальности античного культа близнецов обращался советский этнограф Л. Я. Штернберг в лекциях по первобытной религии (Штернберг, 1936). А. Хокарт, изучал традиционные общества, сравнивал различные системы, обладавшие признаками двоичности. Он наблюдал как дуализм семейно-брачных отношений находил продолжение в ритуальной обрядности, где получал статус архетипа (Hocart, 1970). В советской науке максимально полное изучение эта проблема получила в исследованиях А. М. Золотарёва (Золотарёв, 1964). В монографии «Родовой строй и мифология» представлена его аргументация по существу дуально-родовой организации, её проявлениях в разных сферах жизни племён всех частей света. Автор пришёл к заключению о первичности дуальной организации жизни перед другими социальными формами. Будучи первой упорядоченной формой общества, она стала неким трафаретом для упорядочения явлений внешнего мира. Появление дуальной формы организации древних коллективов связано с «основополагающим» мифом (Золотарёв, 1964. С. 285). Учёный отмечал: «...первым и, видимо, древнейшим из известных нам мифов был миф о введении дуальной организации», он «был обусловлен социальными потребностями» (Золотарёв, 1964. С. 95). Изучение антропологом А. Р. Радклифф-Брауном социальных структур в традиционных обществах подвели его к выводу о том, что в социальной структуре экзогамных фратрий в Австралии, Меланезии или в Америке они мыслятся как находящиеся в оппозиции друг к другу (Радклифф-Браун, 1960). Его выводы согласуются с концепцией

А. М. Золотарёва. Отечественным центром исследований символов архаической картины мира, проявляющихся в бинарных оппозициях, стала Московско-Тартусская семиотическая школа. Один из её основателей, В. В. Иванов, привнес в теорию дуализма аргументацию о бинарных оппозициях в древних культах, мифологии и первобытном искусстве, в структуре языка (Иванов В. В., 1969).

Исследования археологических артефактов позволили утвердительно ответить на вопрос о начале формирования явлений бинарности в культуре человечества. Б. А. Фролов проследил в предметах первобытного искусства реальную значимость цифровой символики и ритмов в искусстве позднего палеолита. Двоичная символика на этом этапе закрепляется, став врождённым элементом логических структур. Исследователь приводит примеры двоичной ритмики в изобразительном творчестве охотников палеолита (Фролов, 1965). Миропонимание представителя традиционного коллектива с сознанием, опиравшимся на двоичные противопоставления, охватывало всю целостность окружающего мира и выражалось в стереотипах поведения как в материальной, так и в духовной сферах жизни. Оно отражено и в творческом преобразении действительности, частично дошедшем до современности в мифологии и в искусстве.

Этнограф А. Ф. Анисимов продолжил эту тему по материалам культур коренных народностей Сибири. В шаманских камланиях звучит обращение к паре родовых духов – хозяек тайги и зверей, у которых просят добычу для сородичей. Нередко их вместилищами были скалы или необычные по размерам и форме деревья (Анисимов, 1959). Дуальность мировосприятия амуро-сахалинских обитателей описана этнографами и в повседневной жизни, и в ритуально-обрядовой сфере. По данным Е. А. Крейновича, во время медвежьего праздника строго выполнялось правило, по которому убить выкормленного медведя имел право специально приглашённый человек из рода зятя или рода тестя, который имел статус чужого человека (Крейнович, 1973. С. 181). Строго соблюдалась древняя традиция разделения общины на две части. А. М. Золотарёв отмечал, что нивхи и ульчи во время медвежьего праздника размещались по две стороны ритуальной площадки, т. к. одни представляли людей «таёжного

пути» (охотников), а другие – людей «водного пути» (рыболовов). Проявлялось это и в быту: ульчи издревле сооружали в доме два очага: «таёжный огонь» и «огонь воды». На каждом из них готовили соответствующую пищу из тайги или из реки. У них был развит культ близнецов, детей сразу после рождения разделяли на «таёжного человека» и «водного человека» (Золотарёв, 1964. С. 250–251).

Дуальность мира прослеживается и в космологии Амура. К древнейшим дуальным мифам относится нивхский о двух братьях-синицах, создателях земли и устроителях мира, записанный Е. А. Крейновичем в начале XX в. (Крейнович, 1929. С. 83). В мифологии айнов Сахалина и Амура можно увидеть парность змей – устроителей земли и биполярность образа змея. В верхней сфере космоса, по данным А. Б. Спешаковского, солнечному женскому божеству «тюп-камуй» соответствует «бог грома», дракон «канна-камуй» (Спешаковский, 1988. С. 79). Н. А. Невский в айном фольклоре показал парные божества, имеющие статус супругов: «пе ранке куру» и «пе ранке мат» – воду роняющие супруги, духи водопада, «ко циририке куру» и «ко циририке мат» – медленно текущие муж и жена, духи ответственные за реку, «ноццу санке куру и ноццу санке мат» – «звезды выпускающие муж и жена» – супруги небожители, ответственные за погоду (Невский, 1972. С. 154–156).

Признаки дуалистического подхода к пониманию мира органично включены в изобразительное искусство обитателей Амура. Парность в орнаментальной ритмичности прослежена этнографом И. А. Лопатиным в культуре нанайцев бассейна рек Уссури, Сунгари, низовьев Амура в начале XX в. (Лопатин, 1922. С. 342). С. В. Иванов в орнаментах амурских народов по коллекциям XIX – нач. XX в. выявил парность в вышивках и узорах на берестяной посуде: узор состоял из парных драконов, рыб, оленей и птиц (Иванов С. В., 1963). Двоичность всех компонентов присуща изображению родового древа на свадебных халатах народностей Амура. У корней, как правило, вышиты фигуры звериных или орнитоморфных предков (олени, коршуны и т. д.). Ветки дерева симметричны и на них вышито одинаковое число птиц, символизирующих будущее потомство (Мельникова, 2005; Мельникова, 2008).

Итак, дуальность и бинарность как некий «скелет» традиционного социума Нижнеамурского региона выражена в космологическом секторе мифопоэтических представлений о мире, в семейно-родовой социальной структуре, в мифологической, празднично-ритуальной и повседневной жизни, а также в декоративно-прикладном творчестве. Из этой живой, постоянно развивающейся, активной и напряжённой жизнедеятельности, неизменно повторяющейся из века в век, нельзя исключить петроглифы. Изображения на скалах и камнях закономерно должны отражать бинарность восприятия мира оседлыми рыболовами. Позиция автора заключается в том, что дуализм социальной структуры и бинарность культурных героев мифов как определяющий мировоззренческий стержень нашли своё отражение в петроглифах, став причиной появления рисунков парных личин.

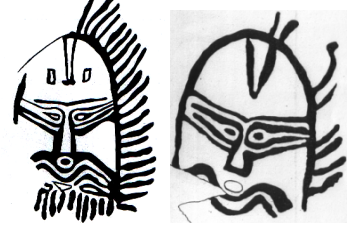
Описание и анализ артефактов

Системное описание парных рисунков Сикачи-Аляна – Малышева и Шереметьева позволяет выделить общие черты каждой пары и всей группы подобных изображений для создания концепции семантики их содержания. Автором ранее проводилось первичное изучение парных рисунков Шереметьево (Лапшина, 2012). Все парные личины шереметьевского комплекса расположены на скале второго пункта (Шереметьево II).

Парные личины Шереметьево II (табл. 1). Итоги иконографического и типологического анализов показали, что при планировании нанесения изображений на участки скалы древние мастера соблюдали определённые правила, они проявлялись и в локализации рисунков, и в их структуре, и в символическом содержании. Парность иконографическая имеет свою особенность: рисунки не повторяют полностью друг друга, в них нельзя увидеть копии. Очевидно, это изображения двух персонажей единого мифа или мифологического цикла, отношения персонажей друг к другу в мифе могут быть бинарными. Они могут быть связаны с конкретной исторической эпохой, передают характерные для своего времени художественные образы. В этом причина стилистического единства каждой пары. Обращает на себя внимание принцип парной локализации рисунков II,

Таблица 1. Парные личины Шереметьева II (прорисовка по: Окладников, 1971, фото А. Ласкина)

Table 1. Paired faces of Sheremetyeva II (drawing after Okladnikov, 1971; photo by A. Laskin)

I	 <p>№ 20 № 3</p>
II	 <p>№ 6a № 66</p>
III	 <p>№ 21 № 22</p>
IV	 <p>№ 7a 76</p>
V	 <p>№ 8a № 86</p>
VI	 <p>№ 14 № 13</p>

III, IV, V пар: каждая пара занимает свою, изолированную от других рисунков, плоскость скалы. Нельзя исключать возможность поведения ритуально-обрядовых действий для отдельной пары, их обрядовые предназначения различны. Пары I и VI размещены на разных плоскостях и на некотором расстоянии друг от друга. Личины пары I (№ 3 и № 20), иконографически составляют пару, но расположены в противоположных частях скалы, что имеет свою знаково-символическую нагрузку. Личины пары V являются художественными образами мужских, очевидно, воинских персонажей или вождей. Отличительные черты в паре могут означать мужские и женские признаки, более высокий статус одного из персонажей, бинарность позиций героев мифа. В плане общесодержательной характеристики рисунки разделены на две части. Для каждой из частей прослежена своя содержательная ниша.

Первая пара состоит из рисунков фантастических с зооморфными признаками змей-драконов, обладающих космологическим содержанием. Обе личины пары I (№ 3 и № 20) выполнены в мотиве волнистой «линии-змеи». Этот мотив напрямую связан с изображениями персонажей соляной мифологии (Лапшина, 2011a; Лапшина, 2011b). На рисунке № 3 деталями, маркирующими художественный образ, стали голова змеи над лбом, драконьи ноздри кружками-ямками и усы с завитками. По этим признакам его можно считать одним из вариантов образа змея-дракона в ряду других изображений амуро-уссурийского комплекса. В рисунке № 20, помимо мотива «линии-змеи», значимой деталью стала боковая фигура с усатой головой. Драконов в народном искусстве нередко изображали в виде рептилий с висячими усами. В сопоставлении с рисунком № 3, вторая личина-маска обладает большей мягкостью черт, что присуще женской персоне, она отнесена к категории женских персонажей. С парой змей-драконов связаны космогонические мифы аборигенов Амурского и островного мира, в частности айнов Сахалина. В одном из них повествуется о богине огня в образе змеи, которой было велено спуститься на землю. Об этом узнал бог грома в образе змея и он последовал за своей возлюбленной. Так два небесных огненных змея стали обуспраивать земной мир (Штернберг, 1929. С. 245).

Вторая часть состоит из пяти пар масок: прародители (пара V), череповидные танцевальные обрядовые личины-маски (пары II, III), орнаментированные шаманские маски (пара IV), образы правителей-воинов=вождей (пара VI). Эти маски передают художественные образы персонажей земной части мироздания.

В структуре пары II (рис. № 6а, № 6б) одинаково выведен двойной контур и сочетание углубленно-рельефных кривых линий, кругов и выпукло-рельефных фигур. Внутренний контур на обоих рисунках передаёт черты черепа. Его усиливают круглые глазницы, крутые скулы, торчащие зубы. Один из персонажей (№ 6а) наделён плюмажем, он выглядит вызывающим страх и ужас. Рисунок № 6б представляется персонажем с менее высоким статусом, он может быть помощником в ритуалах главного героя № 6а. Автором эта пара рассматривается как изображение ритуальных танцевальных масок, предназначенных для обрядов тайных мужских союзов с посвящением и каннибализмом. Личина № 6а является маской верховного духа-каннибала, а личина № 6б – его помощником. Они составляют основу идеограммы «столб людоеда». Этой теме посвящена монография автора «Модель космоса в содержании череповидных личин петроглифов Амура и Уссури» (Лапшина, 2015).

Аналогичные по содержанию маски представлены личинами пары III (№ 21 и № 22). Они плотно соединены в паре, рисунок № 21 (в табл. 1 показан справа) обладает сиянием, что указывает на перво-степенное значение. Его отличает также борода, соединение человеческих и зооморфных (широкий нос) признаков. В этой личине преобладают признаки первопредка и небожителя. Второй персонаж (№ 22) также имеет череповидные черты. Они составляют основу идеограммы «столб людоеда».

Пара IV (№ 7а, № 7б). Мужская и женская расписанные маски, отнесённые к шаманским. Внимание зрителя концентрируется на волнистых линиях, подчинённых вертикали; круглых череповидных глазах. Это могут быть росписи или татуировка в виде извивающихся змей, на лбах – символы углов, часто встречающиеся на личинах. К ним применимо понятие расписная шаманская маска. Более крупный и выразительный рисунок № 7а выступает ведущим в паре, это твёрдый и решительный персо-

наж. Рисунок № 7б меньшего размера, упрощён в деталях, занимает подчинённую позицию, он определён как женская половина пары. В шаманской практике неизвестны случаи, когда шаманами становились оба супруга в семье, но их духи-покровители могли быть парой. По материалам А. В. Смоляк, духи-близнецы *адо дуэнтэ*, таёжные покровители шамана, изображаются антропоморфной парой. Но и другие духи-помощники, например, *маси* и *бучу* амурских шаманов были парными (Смоляк, 1991. С. 81, 86, 150). Они трактованы как расписные маски духов – помощников шамана.

Пара V (№ 8а, № 8б). Рисунки выполнены тонкой углубленно-рельефной линией, они лаконичны. Ведущей в паре выглядит крупная женская личина, переданная как властный самодостаточный персонаж. Форма личины с куполовидным верхом указывает на причастность к власти. Начертание глаз передает жёсткость и строгость. Аккуратность рта, носа и овал лица передают женский образ. Над этой личиной сверху на скале выбит женский знак. Личина № 8б овально-четырёхугольная, голова выполнена высоким куполом, подбородок подчеркнута тяжёлый. Это мужской образ, над личиной выбит мужской знак. Глаза маленькие и невыразительные, тонкий нос, широкие ноздри придают мягкость образу. Это второй по локализации и явно подчинённый персонаж. Пара IV, очевидно, передаёт образ первопредков, в ней очевиден примат женского начала. Но факт размещения рядом с праотцой указывает на обновление культа, происходящее в эпоху повышения социальной значимости мужчин, переходную от эпохи камня к ранним металлам. Это случай, когда гендерный аспект обозначает социально-хронологическую стадиальность.

Пара VI (№ 13, № 14). Эти личины более всего напоминают портреты конкретных исторических деятелей, скорее всего в военной сфере. Изобразительный мотив одинаков: тонкие прямые линии и геометрические фигуры. Преобладание прямой линии может быть связано с более поздним временем их создания, нежели все другие изучаемые рисунки памятника. Во внутреннем заполнении личин одинаково показаны брови и глаза, нос, усы и рот, личина № 14 с бородой, на другой личине этот элемент утрачен с отвалившимся куском скалы. Это не супружеская пара, оба изображения мужские. Раз-

мещены на разных плоскостях скалы, но стилистически они относятся к одной эпохе. Создан подчеркнуто воинский облик культурных героев мифов эпохи патриархата и ранних государственных объединений. Удлиненно-купольная форма личин, усы, борода принадлежат мужским персонажам с высоким социальным статусом; в этом убеждают также и их головные уборы с плюмажем. Обе личины лишены признаков черепа, то есть связи с архаическими первопредками, но имеются головные уборы со знаком сияющего солнца как небесного божества. Имеет смысл предполагать мотив сакрализации власти и связи с сияющими небожителями, представителями небесной сферы. Это символическое содержание подтверждает сложный геометрический знак на лбу личины № 14. Он состоит из центральной вертикальной фигуры и двух прямоугольников слева и справа. В эпоху раннего Средневековья выдающиеся воины=вожди племени пребывали в статусе сакральных лиц и ассоциировались среди соплеменников с первопредками от начала мира. Знак на лбу в виде удлинённой фигуры, окружённой по флангам двумя одинаковыми прямоугольниками, относится к мотиву мировой горы или мирового древа. В знаковой системе древних сообществ так могли обозначить центр мира, мировую ось и сопряжённую с ними персону. У второй маски на лбу знак треугольника вершиной вниз, возможно, знак рода или фратрии. Пара VI по своему облику может относиться к военной сфере. Выше они связывались с конкретными историческими деятелями, по второй версии, это могут быть художественные образы духов – покровителей войны и воинов стадии военно-племенных объединений.

Позиции расположения на скале парных масок имеют свое символическое завершение в личинах-масках пары I, когда один змей-дракон расположен перед началом изобразительного ряда, а второй его завершает. Мифологический смысл локализации шереметьевских парных личин, очевидно, означает, что посланники небесной сферы (змеи-драконы), являясь персонажами солярной мифологии, а значит, первого ранга, окружают пантеон из персонажей второго ранга и тем самым сотворяют мир: разделяют небо и землю.

В этнографии низовьев Амура на шаманской картине мира, которую можно увидеть на бубнах, их

чехлах, на спинке кофты шамана, как правило, нарисованы фигуры двух змей или драконов, окружающих земную сферу вселенной. Так обозначается небесная сфера, которую маркируют два змея-дракона, и средний мир, в который помещены люди и звери, в нашем сюжете – это герои воины, духи-покровители, прародители и др. мифологические персонажи.

Что касается бинарности и дуальных принципов архаического социума, они отражены в признаках различия внешне сходных пар рисунков. На лбу пары II двойные сердцевидные очертания череповидного внутреннего контура. На лбах масок пары IV разные по количеству, но одинаковые по начертанию знаки углов вершиной вниз. Пара V: на женском персонаже знак короткого угла вершиной вниз, а мужской без знака, он, очевидно, пребывает в границах чужого рода и мастер не показал знак покровителя его рода. Очевидно, рисунки наносились для обрядов рода со знаком короткого угла вершиной вниз. На масках персонажей пары VI второй персонаж (№ 13) относится к роду или фратрии со знаком длинного угла вершиной вниз, а его парный персонаж преодолел некий социальный уровень, стал властной фигурой, поэтому на его лоб нанесли знаки более высокого уровня, возможно, общеплеменные сакральные знаки. Семантическое содержание пар I–IV и стиль рисунков позволяет их отнести к концу каменного века – началу эпохи металлов. Рисунки V и VI пар нанесены на скалу, возможно, в раннем Средневековье.

Парные изображения петроглифов Сикачи-Аляна и Малышева (табл. 2). Здесь иная ситуация расположения рисунков. В Шереметьево скала воспринимается как массив с отдельными изобразительными плоскостями, которая объединяла все рисунки, несмотря на разновременность их появления. В Сикачи-Аляне каменные глыбы с рисунками рассредоточены на большом расстоянии береговой полосы и нередко перемещаются во время ледоходов. В этом смысле топографическая нумерация А. П. Окладникова, которая использована в работе, условна. Есть основания предполагать, что некоторые из парных изображений могли находиться рядом и составлять некий ритуальный комплекс. Исходя из специфики условий локализации рисунков, в нашем аналитическом процессе главным критерием

Таблица 2. Парные личины Сикачи-Аляна – Малышева (прорисовки по: Окладников, 1971)
Table 2. Paired faces of Sikachi-Alyan – Malysheva (drawing after Okladnikov, 1971)

I	 № 68: 1	 № 13: 2
II	 № 103: 2	 № 41: 1
III	 № 74: 1	 № 103: 11
IV	 № 102: 1	 № 99
V	 № 56: 2	 № 85: 2

отбора стало стилистическое единство и безусловное внешнее сходство артефактов.

Пара I (№ 68: 1 и № 13: 2). Они имеют несомненное сходство, обусловленное функциональным назначением. Обе маски предназначены для проведения особого рода ритуалов для посвящённых. Очевидно, они создавались в одно время, когда был выработан художественный образ верховного духа устрашающего облика, с выраженными череповидными признаками. Это выражено в прорисовке глазниц двумя-тремя эллипсоидными линиями, выделение тяжёлого подбородка (в одном случае – округлого, в другом – квадратного), ему соответствует прорисовка рта овалом у первой маски и квадратом в ободке, и с высунутым языком (овальный бугорок, окружённый желобком) – у маски № 13: 2. Отличие состоит в том, что в рисунке № 13: 2 контур выполнен прямой линией с углами, а личина № 68: 1 исполнена гибкими линиями-желобками. Каждая маска наделена признаком, сакральным знаком верховного духа: на правой щеке личины № 68: 1 нанесён знак точки в овале, на личине № 13: 2 – это высунутый язык во рту: выпуклый бугорок, окружённый овальным желобком. Аналоги обнаруживаем в более поздних наскальных рисунках северо-западного побережья Северной Америки. Е. А. Окладникова описывает наиболее важные знаки на изображениях верховных духов-людоедов, танцоров зимних праздников североамериканских индейцев: «В правом ухе идола висит круглая серьга с точкой или кругом в центре... такие серьги украшают обычно только одно ухо у всех перечисленных антропоморфных изображений» (Окладникова, 1989. С. 33). Устрашающим элементом облика маски людоеда бывает высунутый из рта язык или торчащие зубы (Окладникова, 1989. С. 36–42). Таким образом, обе личины передают художественный образ центрального персонажа идеограммы «столб людоеда»: верховного духа, танцора-каннибала.

Пара II (№ 41: 1, № 103: 2). Рисунок № 103: 2 из утраченных (возможно, затянутых илом) в пределах пункта б. Они также стилистически едины: в структуре рисунка преобладает кривая линия, сходны контуры и их внутреннее заполнение. Контуры рисунков яйцевидные: округло очерчена верхняя часть личин и чуть заужен в нижней части подбородок.

Внутреннее заполнение также однотипно: извилистыми линиями нанесены брови и удлинённые узкие азиатские глаза, рот у обеих личин выведен полусферой. Нос первой маски включён в извилистую линию от рта до макушки, у второй показан маленькой точкой, но эта деталь вовсе не различает их зрительно. На щеках обоих рисунков одинаковые треугольники, которые воспринимаются как стилизованное начертание скул и являются череповидным признаком. На лбах одинаковая полоса по центру, у второй личины она отходит от бровей, у неё также есть линия по центру подбородка. Зрительно обе личины разделены по центру на две части. На голове второй личины – султан из двух изогнутых линий, расходящихся в стороны. Он имеет знаково-ритуальное содержание и указывает на высокий статус персонажа, только верховные духи-танцоры имели право на особые знаки в виде серёг или головной убор с плюмажем или султаном, как в этом случае. Эта пара отнесена к идеограмме «столб людоеда», где маска с султаном – верховный дух-каннибал, а вторая имеет статус его помощника.

Пара III (рис. № 74: 1 и № 103: 11). Несмотря на значительное расстояние между ними, визуально они рассматриваются парой. Эти два рисунка аналогичны по контурной обрисовке и композиционному построению внутреннего заполнения. Одинаково показаны брови, глаза, нос и в целом создан одинаковый художественный образ. Первая маска выполнена в мотиве кривой линии, а вторая – в мотиве прямой линии. Различаются они по второстепенным признакам: на первой – рот овальный, на второй – его нет вовсе, но выбиты по сторонам у подбородка острые углы, имитирующие очертания скул черепа. На первой личине череповидных признаков нет. Знаки на лбу также различны: у личины № 74: 1 жертвенный знак завитка, у № 203: 11 – маленький острый угол. Семантически они разведены: первый отнесён к погребальным маскам, а второй – к шаманским. Очевидно, они изготовлены в одну эпоху и сохранили художественный образ персонажей мифа о духе – покровителе шамана и персонаже, перемещённом в подземный мир, к первопредкам.

Пара IV (№ 102: 1 и № 99). Эти две круглые личины соединены в пару благодаря сходным чертам лица, хотя исполнены они в разных мотивах: № 102: 1 – в силуэтном, с гибкими фигурами, № 99 –

в мотиве тенденции к прямой линии. Обе личины череповидные: детали черепа показаны условно углами и дугами на щеках. Глаза одинаково узкие и раскосые, показаны брови. Однотипны носы с выделенными ноздрями. Знаки на лбу: у первой – вогнутая дуга: то ли брови, то ли знак, а у второй – сложный знак с перекрещивающимися линиями, ассоциируется со скрещёнными саблями. У них одинаково круглые щёки. В художественном образе масок превалирует лаконизм, стилизованность и симметрия. Азиатские признаки усиливают твердость и внутреннюю закрытость персонажей. Внутреннее заполнение симметрично. Знак на лбу рисунка № 99: 1 передаёт ощущение боевитости и усиливает впечатление особого статуса персонажа. Это образы азиатских воинов=вождей, решительных и жестких по характеру. Ведущим персонажем в паре выглядит № 99, что подтверждается и одиноким расположением его на плоскости камня.

Пара V (№ 56: 2 и № 85: 2). Две контурные овальные личины расположены на большом расстоянии друг от друга (в 1 и 2 пунктах), но визуально сходны. Рисунки обладают криволинейной структурой, очевидно сходство во внутреннем заполнении контура. Одинаковые глаза, короткие носы, хотя у одного полоской, а у другого п-образный. Обе личины относятся к стилизованным череповидным: линии скул черепа переданы дугами и волнистыми линиями на щеках. У них одинаково маленькие рты, но у первой маски – треугольником, у второй – кружком, этот признак может быть гендерным. Различны знаки на лбу: на одном – линия, на другом – полукруг и угол. Возможно, показана принадлежность к разным родам (фратриям). В этой паре передан художественный образ духов – покровителей двух разных социальных групп в едином стиле, то есть возданных в одну историческую эпоху.

Описанные изображения соединены стилистическим сходством, в преобладающем большинстве они – череповидные. Сходны монголоидные раскосые глаза. В контексте нашего исследования важны лобные знаки: угол вершиной вниз (4 ед.), вертикальная полоса (4 ед.), в одном случае знак угла совмещён со знаком полудуги (№ 85: 2), в другом случае, полудуга совмещена с вертикальной полоской (№ 99). Есть основания предполагать в них символы фратрии или мужские (женские) родовые зна-

ки, совмещённые знаки могут означать соединение родов либо по браку, либо по малочисленности одного из них.

Выводы

Тема дуальности мира широко представлена не только в мифологии, декоративно-прикладном искусстве, но и в монументальном жанре – петроглифах, в изображении персонажей мифов. Дуальность социального устройства и бинарность мифологических героев древнего коллектива оседлых рыбаков и охотников проявились в изображении парности личин с общими и отдельными признаками и знаками каждой пары. Пять пар Шереметьевских рисунков, локализованные на едином скальном массиве, дали упорядоченную информацию. Ключом к интерпретации этой совокупности личин стала пара I, маски драконов: обладая сходными чертами, они локализованы по флангам изобразительного ряда. Общее композиционное построение парных личин трактуется нами как вариант модели мира, в которой основное место отведено создателю мира=первопредку змею-дракону в парной ипостаси. Два зооморфных змея-дракона обрисовывают внешний мир. Внутри ограниченного ими пространства располагаются парные личины, символизирующие средний (земной) мир и его мифо-ритуальное содержание с предметными знаками дуально-родовой организации. Среди знаков на лбу есть отличные от сикачи-альянских (сердцевидные очертания) и общий знак – угол с вершиной вниз. Знак на

лбу маски № 14 имеет более высокий и сакральный уровень: символ столпа или мирового древа. Мужской персонаж пары V без знака на лбу, возможно, отражает положение мужчин, пришедших по браку в род жены и ограниченных в почитании своих родовых покровителей.

Сикачи-альянско – малышевские знаки на масках имеют и сходство с шереметьевскими (угол с вершиной вниз), и отличие (вертикальная полоска и полудуга). Среди них выявлены совмещённые знаки (угол – полудуга, вертикальная линия – полудуга). Они могут означать соединение двух родов, подобно тому как на свадебном халате народов Амура у корней родового древа изображают мифических звериных первопредков разных видов (оленья – тигра, оленья – коршуна и др.). Среди сикачи-альянско – малышевских парных личин выделены сходные художественные образы верховных духов-людоедов и помощников (I и II пары), погребальные и шаманские (III пара), а также с обликом воинов-вождей (IV пара) и, предположительно, маски, передающие образ духов – покровителей рода (V пара). Петроглифы с парными личинами могли служить иллюстрациями мифологических повествований о происхождении окружающего мира и предков конкретных родов во время регулярно проводимых ритуальных праздников. Рисунки могли появиться во временном отрезке, примерно, от рубежа каменного века и эпохи палеометаллов, а также в раннем Средневековье.

Список источников

Анисимов А. Ф. Космологические представления народов Севера. М.-Л., 1959. 106 с.

Дюркгейм Э. Мистика. Религия. Наука // Классики мирового религиоведения. Антология / пер. с фр. сост. и общ. ред. А. Н. Красникова. М. : Канон+, 1998. 432 с.

Золотарёв А. М. Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964. 328 с.

Иванов В. В. Двоичная символическая классификация в африканских и азиатских традициях // Народы Азии и Африки. 1969. № 5. С. 105–115.

Иванов С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX – начала XX в.). М.-Л., 1963. 500 с.

Крейнович Е. А. Нивхгу. Загадочные обитатели Сахалина и Амура. М. : Наука, 1973. 495 с.

References

Anisimov A. F. (1959) Cosmological representations of the peoples of the North. Moscow - Leningrad. 106 p. (In Russ.).

Dyurkgeim E. (1998) Mysticism. Religion. Science. *Klassiki mirovogo religiovedeniya. Antologiya = Classics of World Religious Studies. Anthology*. Moscow: Kanon+. 432 p. (In Russ.).

Zolotarev A. M. (1964) Ancestral structure and primitive mythology. Moscow. 328 p. (In Russ.).

Ivanov V. V. (1969) Binary symbolic classification in African and Asian traditions. *Narody Azii i Afriki = Peoples of Asia and Africa*. No. 5. P. 105-115. (In Russ.).

Ivanov S. V. (1963) Ornament of the peoples of Siberia as a historical source (based on materials from the 19th - early 20th century). Moscow - Leningrad. 500 p. (In Russ.).

Kreinovich E. A. (1973) Nivkhgu. Mysterious inhabitants of Sakhalin and Amur. Moscow: Nauka. 495 p. (In Russ.).

Крейнович Е. А. Очерк космологических представлений гиллак о. Сахалина // Этнография. 1929. № 1. Кн. 7. С. 78–102.

Лапшина З. С. Личины петроглифов Амуро-Уссурийского комплекса: структура рисунка и художественный образ // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы : материалы Межд. научн. конф. 22–26 августа 2011 г. Кемерово. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2011а. Т. 2. С. 64–68.

Лапшина З. С. Модель мира в семантическом содержании череповидных личин Амуре и Уссури. Хабаровск : Хабаровский государственный институт искусств и культуры, 2015. 236 с.

Лапшина З. С. Орнаменты неолитической керамики Амуре как символы солярного культа // Научное обозрение: гуманитарные исследования. 2011b. № 1. С. 45–51.

Лапшина З. С. Явление парности в личинах Амуро-Уссурийского петроглифического комплекса // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2012. № 1 (99). С. 95–107.

Лопатин И. А. Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские. Опыт этнографического исследования // ЗОИАК. Влад. отдел приамур. отд. РГО. Владивосток, 1922. Т. XVII. 370 с.

Медведев В. Е. Проблемы истоков некоторых скульптурных и наскальных образов в первобытном искусстве юга Дальнего Востока и находки, относящиеся к осиповской культуре на Амуре // Археология, этнография и антропология Евразии. 2001. № 4 (8). С. 76–94.

Мельникова Т. В. Традиционная одежда нанайцев. Хабаровск : Хаб. краевой краевед. музей им. Н. И. Гродекова, 2005. 240 с.

Мельникова Т. В. Традиционная одежда ульчей (XIX – нач. XX в.). Хабаровск, 2008. 108 с.

Невский Н. А. Айнский фольклор. М. : Наука. Главная ред. восточной литературы, 1972. 175 с.

Окладников А. П. Петроглифы Нижнего Амуре. Л. : Наука, 1971. 335 с.

Окладникова Е. А. Загадочные личины Азии и Америки. Новосибирск : Наука, 1989. 168 с.

Окладникова Е. А. Модель Вселенной в системе образов наскального искусства тихоокеанского побережья Северной Америки. СПб., 1995. 320 с.

Радклифф-Браун А. Р. Сравнительный метод в социальной антропологии / пер. с англ. В. Г. Николаева. Бомбей, 1960. С. 89–105. URL: <http://members.fortunecity.com/slavaaa/ya.html> (дата обращения 12.02.2010).

Kreinovich E. A. (1929) Essay on the cosmological concepts of Gilyak Fr. Sakhalin. *Etnografiya = Ethnography*. No. 1. Book. 7. P.78-102. (In Russ.).

Lapshina Z. S. (2011a) The faces of the petroglyphs of the Amur-Ussuri complex: the structure of the drawing and the artistic image. *Naskal'noe iskusstvo v sovremennom obshchestve. K 290-letiyu nauchnogo otkrytiya Tomskoi pisanitsy. Mat. Mezhd. nauchn. konf. 22-26 avgusta 2011 g. Kemerovo = Rock art in modern society. To the 290th anniversary of the scientific discovery of the Tomsk Pisanitsa. Proceedings of the scientific conference. August 22-26, 2011 Kemerovo*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. Vol. 2. P. 64-68. (In Russ.).

Lapshina Z. S. (2015) The model of the world in the semantic content of the cranial faces of the Amur and Ussuri. Khabarovsk: Khabarovsk State Institute of Arts and Culture. 236 p. (In Russ.).

Lapshina Z. S. (2011b) Ornaments of the Neolithic ceramics of the Amur River as symbols of the solar cult. *Nauchnoe obozrenie: gumanitarnye issledovaniya = Scientific Review: Humanities Research*. No. 1. P. 45-51. (In Russ.).

Lapshina Z. S. (2012) The phenomenon of pairing in the faces of the Amur-Ussuri petroglyphic complex. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2. Gumanitarnye nauki = News of the Ural Federal University. Ser. 2. Humanitarian sciences*. No. 1 (99). P. 95-107. (In Russ.).

Lopatin I. A. (1922) Golds Amur, Ussuri and Sungari. Experience of ethnographic research. *ZOIAC. Vlad. otdel priamur. otd. RGO = ZOIAC. Vlad. department priamur. dep. Russian Geographical Society. Vladivostok*. Vol. XVII. 370 p. (In Russ.).

Medvedev V. E. (2001) Problems of the origins of some sculptural and rock formations in the primitive art of the south of the Far East and finds related to the Osipov culture on the Amur. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii = Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*. No. 4. P. 76-94. (In Russ.).

Mel'nikova T. V. (2005) Traditional clothing of the Nanai. Khabarovsk: Khabarovsk Local Lore Museum named after N. I. Grodekov. 240 p. (In Russ.).

Mel'nikova T. V. (2008) Traditional Ulchi clothes (19th - early 20th century). Khabarovsk. 108 p. (In Russ.).

Nevskii N. A. (1972) Ainu folklore. Moscow: Science. Main ed. oriental literature. 175 p. (In Russ.).

Okladnikov A. P. (1971) Petroglyphs of the Lower Amur. Leningrad: Science. 335 p. (In Russ.).

Okladnikova E. A. (1989) Mysterious faces of Asia and America. Novosibirsk: Nauka. 168 p. (In Russ.).

Okladnikova E. A. (1995) Model of the Universe in the system of rock art images of the Pacific coast of North America. St. Petersburg. 320 p. (In Russ.).

Radcliff-Braun A. R. (1960) Comparative method in social anthropology. Bombay. P. 89-105. (In Russ.). Available from: <http://members.fortunecity.com/slavaaa/ya.html> (Accessed 12.02.2010).

Смоляк А. В. Шаман: личность, функции, мировоззрение (народы Нижнего Амура). М. : Наука, 1991. 280 с.

Спеваковский А. Б. Духи, оборотни и божества айнов (религиозные воззрения в традиционном айном обществе). М., 1988. 205 с.

Флоренский П. А. Иконостас. М. : Библиотека «Вехи», 2000. 70 с.

Фролов Б. А. Примеры счёта в палеолите и вопрос об истоках математики // Известия Сибирского отделения АН СССР. Сер. Обществ. науки. 1965. Вып. 3. № 9. С. 9–12.

Штернберг Л. Я. Айнская проблема // Сборник МАЭ АН СССР. Л. : Изд-во АН СССР, 1929. № 8. 280 с.

Штернберг Л. Я. Первобытная религия в свете этнографии. Л. : Изд-во Института народов Севера, 1936. 571 с.

Hocart A. M. Kings and Councillors : an essay in the comparative anatomy of human society. Cairo, 1936; 2 ed. Chicago: University Of Chicago Press, 1970. 318 p. / пер. В. Г. Николаева. Available from: <http://members.fortunecity.com/slavaaa/ya.html>. Электронная библиотека. (Accessed 19.03.2014).

Информация об авторе

З. С. Лапшина – кандидат исторических наук, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 690001, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 89, Россия.

Вклад автора

Лапшина З. С. выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение и подготовила рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 29 сентября 2021 г.; одобрена после рецензирования 27 октября 2021 г.; принята к публикации 8 ноября 2021 г.

Smolyak A. V. (1991) Shaman: personality, functions, worldview (peoples of the Lower Amur). Moscow: Nauka. 280 p. (In Russ.).

Spevakovskii A. B. (1988) Spirits, werewolves and deities of the Ainu (religious beliefs in the traditional Ainu society). Moscow. 205 p. (In Russ.).

Florenskii P. A. (2000) Iconostasis. Moscow: Library "Vekhi". 70 p. (In Russ.).

Frolov B. A. (1965) Examples of counting in the Paleolithic and the question of the origins of mathematics. *Izvestiya Sibirskogo otdeleniya AN SSSR. Ser. Obshchestv. nauki = Bulletin of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences. Ser. Social Sciences.* Iss. 3. No. 9. P. 9-12. (In Russ.).

Shternberg L. Ya. (1929) Ainu problem. *Sb. MAE AN SSSR = Sat. MAE of the USSR Academy of Sciences.* Leningrad: Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR. No. 8. 280 p. (In Russ.).

Shternberg L. Ya. (1936) Primitive religion in the light of ethnography. Leningrad: Publishing house of the Institute of the Peoples of the North. 571 p. (In Russ.).

Hocart A. M. Kings and Councillors. Cairo, 1936; 2 ed. Chicago, 1970. / Translated by V. G. Nikolaev. <http://members.fortunecity.com/slavaaa/ya.html>. Digital library.

Information about the author

Z. S. Lapshina – Cand. Sci. (History), Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, 89, Pushkinskaya St., Vladivostok 690001, Russia.

Contribution of the author

Lapshina Z. S. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted September 29, 2021; approved after reviewing October 27, 2021; accepted for publication November 8, 2021.